

СТИХОТВОРЕНІЯ
ПАВЛА ШКЛЯРЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ.

1832.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАВЛА ШКЛЯРЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

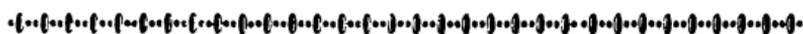
Печатано въ Типографіи вдовы Плюшаръ.

—
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ, Іюня 21 дня, 1831 года.**

Ценсоръ Сп. Сов. *Никита Бутырскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя Публикѣ спихопворенія молодаго поэта, еше нигдѣ не напечатанныя, я долженъ сказаць, что единственною причиною изданія оныхъ было желаніе сдѣлать извѣстными опыты разцвѣтавшаго таланта, къ сожалѣнію слишкомъ рано похищеннаго смертію для опечаленной музы. — Это самое желаніе, доставившее мнѣ много пріятныхъ минутъ при началѣ сего предпріятія, побуждало меня не щадить трудовъ при разборѣ множества

оставшихся послѣ него сочиненій и переводовъ — и при сравненіи различныхъ списковъ одного и того же стихотворенія. Но когда лучшія стихи были выбраны и приведены въ порядокъ ; когда узнаны были имена сочинителей при переводахъ , однимъ словомъ когда все было приговорено къ изданію, я съ безпокойствомъ помышлялъ объ ономъ , не довѣряя самому себѣ и не надѣясь удовлетворить ожиданія читателей. Въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ издавать новую книгу въ той странѣ, гдѣ уже есть образцы почти во всѣхъ родахъ поэзіи, но гдѣ нѣтъ еще общаго, образованнаго чувства изящнаго, и гдѣ потому гораздо болѣе ложной кри-

пики, нежели истинной литературы. Думая безпрестанно о послѣднемъ, я совѣщовался съ людьми опытными, знающими цѣну произведеніямъ словесности, и убѣжденный ихъ отзывами, я выдаю эпистихотворенія и ищу одного благосклоннаго вниманія.

Впрочемъ, если издашело, соединенному дружбою съ авторомъ, позволено сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ и переводахъ послѣдняго, то онъ осмѣлился поставить нѣкопорыя изъ оныхъ на ряду со многими хорошими произведеніями нашей словесности. Я называю хорошимъ только то, гдѣ высокая идея, облеченная въ разные виды игривою фантазією, выражена обра-

званымъ, гармоническимъ языкомъ. Здѣсь необходимо также прибавить, что стихотвореніе должно быть нравственно, ибо напрасно будешь искашь поэзіи тамъ, гдѣ обрисовываютъ со всею роскошью богатаго языка сцены недоспойныя даже обыкновеннаго разговора. — И къ несчастью въ новѣйшее время выходятъ у насъ много подобныхъ стихотворныхъ повѣстей и съ одобреніемъ принимающія публикою. — Разсмотримъ же теперь сочиненія Шкляревскаго, (копюрыхъ къ сожалѣнію не много) и вы вездѣ найдете или высокую мысль, или чувство, выраженное языкомъ самымъ поэтическимъ; прочтите его стихи *къ Богу, къ другу, на новый годъ, къ товарища.иъ,*

и вы удостоверитесь, что мои слова справедливы. — Даже въ *Кутумль* — думѣ, еще совершенно необработанной, чувство грусти выражено опличнымъ образомъ. Я не говорю о его переводахъ, которые всѣ съ лучшихъ писателей: изъ Гете, Шиллера, Байрона, Горація и проч.

Такимъ образомъ читателю предложитъ книга, имѣющая хотя нѣкоторыя достоинства; мнѣ пріятно будетъ услышать приговоръ строгій, но справедливый; еще пріятнѣе было бы узнать, что труды мои признаны полезными.

Вотъ что я почтительнымъ образомъ скажу объ этой книгѣ; многіе изъ читавшихъ стихотворенія Щкляревскаго желали также знать

и нѣкоторыя обстоятельства его жизни. Но исполняя ихъ желаніе, я скажу, что жизнь молодого человека, умершаго на 24-мъ году возраста, и еще не выступившаго на поприще гражданской дѣятельности, можетъ быть занимательно только для его друзей. — Онъ родился 1806 года, 15 Января, Полшавской губерніи въ городѣ Лубнахъ. — На 11 году своего возраста опвезенъ былъ въ Пешербургъ, гдѣ и воспитывался у своего дяди, и въ 1823 году опданъ былъ въ С. Пешербургскую Гимназію, въ это время учрежденную. — Во все время пребыванія въ Гимназіи онъ показывалъ шу дѣятельность души, которая въ послѣдствіи могла бы доставить по-

чешное мѣсто между учеными Россіи. Эпошъ періодъ его жизни естъ въ тоже время и піишической; бѣлая часть переводовъ, шеперь издаваемыхъ, принадлежишь къ эпому времени. Естъ много его собственныхъ сочиненій тогда написанныхъ; они всѣ носятъ на себѣ печать юношескаго порыва, но не имѣюшь той зрѣлости, которая опличаетъ позднѣйшія его стихопворенія, и потому я рѣшилъ не печатать оныхъ.

Въ 1827 году онъ переведенъ былъ въ Императорскій С. Петербургскій Университетъ, гдѣ и занимался предметами Философо-Юридическаго Факультета. — Въ томъ же году въ Ноябрь мѣсяцъ, Императоръ Имяннымъ Указомъ приказалъ вы-

брасть изъ всѣхъ Рускихъ Университетовъ молодыхъ людей, и послѣ испытанія въ Академіи Наукъ отправивъ въ Университетъ Дерптскій, а потомъ въ Германію и Францію, дабы въ послѣдствіи занять кафедры въ Рускихъ Университетахъ. Шкляревскій, уже давно отличившійся своими знаніями, былъ поже выбранъ въ эпопъ такъ называемый Профессорскій Институтъ, и 1828 года, Іюля 15-го отправился въ Дерптъ по части философіи. Здѣсь открылось новое поле для его умственной дѣятельности; богатая библіотека доставила ему многія средства для занятій, и онъ съ величайшимъ рвеніемъ старался о пріобрѣшеніи новыхъ познаній; но эпо самое спрем-

леніе и было причиною его смерти. Опъ чрезмѣрнаго напряженія онъ получилъ чахотку и въ 1830 году 10-го Іюня скончался, оплакиваемый всѣми своими друзьями и поварищами.

Такова была жизнь молодого поэта;— присоедините ко всему этому необыкновенную доброту души, пламенный патриотизмъ и желаніе быть полезнымъ своему Отечеству, но вы невольно объ немъ пожалѣете; если же такія качества юноши ручающихся за зрѣлость въ лѣтахъ возмужалыхъ, по объ немъ можно сожалѣть болѣе нежели только о молодомъ человѣкѣ.

Михаилъ Куторга.

*Какъ имя на камень, прикрывшемъ гробницу
Знакомаго странника къ холму манить ;
Пусть такъ мое имя твой взоръ обратитъ,
Лишь только ты взглянешь на эту страницу !*

*И если прочтешь ты его, и слезою
Задумчивый взоръ твой тогда заблеститъ ;
То думай, что нѣтъ меня здѣсь подъ луною,
И что мое сердце въ строкахъ сихъ лежитъ !...*

(Изъ Байрона) ПАВЕЛЬ ШКЛЯРЕВСКІЙ.

M I G N O N .

Ахъ ты знаешь ли край съ вѣчно юной весной ?
 Гдѣ цвѣтеть апельсинъ и лимонъ золотой,
 Гдѣ съ прохладою лѣта слить розъ ароматъ,
 Гдѣ привѣтливо мирты и лавры шумять,
 Ахъ, ты знаешь ли край сей ?

О еслибъ туда

Я могла, о мой милый, съ тобою летѣть !

Ахъ ты знаешь ли домъ ? тамъ колонны кругомъ,
 Всюду мраморъ блеститъ, всюду злато горитъ ;
 Истуканы стоятъ и глядятъ на меня :
 Ахъ что стало съ тобой, что ты плачешь, дитя ?
 Ахъ ты знаешь ли домъ сей ?

О еслибъ туда

Я могла, мой хранитель, съ тобою летѣть !

Ахъ ты знаешь ли гору подъ тучей и мглой ?
 Мулъ въ туманъ бредетъ по стремнинѣ крутой ;
 Тамъ драконы шипятъ ; и кипятъ и летятъ

Со скалы на скалу водопада валы

Ахъ ты знаешь ли гору сію ?

О, туда

Намъ дорога съ тобою, родитель ! пойдемъ !

ЛАКИНЪ - И - ГЕРЪ.

Лакинъ-и-Геръ, или, какъ произносятъ Шотландцы, Лох-на-Гарръ есть высокая гора въ Сѣверной Шотландіи близъ Инвернольда. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ упоминаетъ о ней, какъ о высочайшей въ Велико-Британи; не говоря о семъ, замѣтимъ только, что гора сія есть самая живописная и величественная между Каледонскими Альпами. Видъ ея темнаго цвѣта, но вершина одѣяна вѣчными снѣгами. Близъ Лакинъ-и-Гера я (*) провелъ нѣсколько лѣтъ моей юности, и воспоминаше о семъ произвело слѣдующіе стансы.

I.

Сокройтесь отъ взоровъ, поляны съ цвѣтами;
Картины садовъ и долинъ!
Пусть нѣги любимецъ пльняется вами,
Пусть любитъ васъ роскоши сынъ!

(*) Говоритъ Байронъ.

Отдайте мнѣ скалы, утесы крутые,
Гдѣ радости въ дебряхъ цвѣтутъ,
Утесы престолы снѣговъ вѣковые,
Любви и свободы пріютъ !
Мгѣ милы твои, Каледонія, горы
И рощи на скатахъ стремнинъ ;
Пльнительны рокоты грома и споры
Стихій вокругъ бѣлыхъ вершинъ ;
Любно вознесенныя къ тучамъ громады,
Гдѣ вмѣсто ручьевъ, на скалахъ
Клубятся въ ущельяхъ, режутъ водопады :
Мечтаю о дикихъ лѣсахъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра.

II.

Ахъ ! тамъ моя юность въ тиши протекала,
Тамъ я по долину блуждалъ ;
Шотландская шапка (*) главу покрывала
И вѣтеръ мой плацъ (**) развѣвалъ.
Бывало, въ спокойствіи рощи угрюмой,
Средь черныхъ, обрушенныхъ пней,
Въ минувшемъ летая крылатою думой,
Будиль я погбшихъ вождей. . . .

(*) Bonnet, родъ колпака, который обыкновенно носятъ горные Шотландцы.

(**) Plaid, епанча.

И только тогда исчезало мечтанье,
Тогда я жилища искалъ,
Когда чуть блыднѣло свѣтила мерцанье
На темѣ нахмуренныхъ скалъ,
И въ Сѣверѣ ярко звѣзда золотая
Блестѣла сквозь дымъ облаковъ.
Какъ душу питаль я, съ восторгомъ внимаю
Преданіямъ древнимъ сыновъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

Ш.

О тѣни умершихъ! Не я ль съ трепетаемъ
Вашъ голось громовый внималь?
Не онъ ли сливался дубравъ съ бушеваньемъ
И съ вѣтромъ почпыгъ завываль? . . .
Ахъ! вѣрно, песья надъ холмами родными,
Плыва надъ страной родной,
Героя душа утѣшается ими,
Обрѣтши отрадный покой! . . .
Когда Лох-на-Гарра главу освняетъ
Ночь бурная чернымъ крыломъ,
Въ разщелинахъ дикихъ зима возсѣдаетъ
На тронѣ въ вѣнцѣ ледяномъ:
Тогда облакаются тучами тѣни
Героевъ и предковъ моихъ;
Они возлежатъ средь порывныхъ смятснй
На крыліяхъ бурь громовыхъ
Мрачнаго Лохъ-на-Гарра!

IV.

Могущіе предки дышавшіе славой!
Несчастья и васъ обрѣли! (*)
Иль жребій плачевныйъ средь свѣчи кровавой
Виднѣя не предрекли? . . .
Ахъ! въ битвѣ Кулоденской пали Вы, дѣды!
Вы пали — огонь жизни угасъ,
И вамъ не гремѣли ни плески побѣды,
Ни славы торжественный гласъ! . . .
Но, предки, утѣшьтеся! — Вы счастливы нынѣ,
Вы раннимъ покоитесь сномъ,
Въ пещерахъ Бремара, (**) въ утрюмой пустынѣ,
Гдѣ токъ на утесъ крутомъ
Шумитъ и сверкаетъ подь говоромъ елей. . . .
О вашихъ безсмертныхъ дѣлахъ
Гласить и пѣснь рога, (***) и звонкихъ свирѣлей
Звукъ, вторимый эхомъ въ лѣсахъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

(*) Здѣсь сочинитель разумѣетъ предковъ своихъ съ материнской стороны Гордоновъ; многіе изъ нихъ сражались за Принца Карла, извѣстнаго подь именемъ притязателя (Pretender).

(**) Мѣсто въ Шотландіи; тамъ находится также замокъ Бремаръ.

(***) *Bardpipe* — особеннаго рода музыкальный инструментъ, употребляемый въ Шотландіи; онъ имѣетъ сходство съ нашею вольнкою.

V.

Мелькнули лета, Лох-на-Гарръ, но очами
Тебя не привѣтствовалъ я ;
Мелькнуть и еще — но, быть можетъ, стопами
Не буду касаться тебя . . .
Хотя на чело твое хладной рукою
Природа не сыплетъ цвѣтовъ,
Но ты и безъ нихъ разцвѣтаешь красою
Милый Албiонскихъ луговъ !
О Англія ! нѣтъ, не доставятъ отрады
Всѣ премести рощицъ твоихъ
Тому, кто взиралъ на сѣдыя громады
Разбросанныхъ горъ ледяныхъ,
Взбирался съ трудомъ на крутыя стремнины,
Лѣсистыхъ холмовъ высоты,
Кто видѣлъ суровой природы картинъ,
Развалины скалъ — красоты
Мрачнаго Лох-на-Гарра !

Ф І А Л К А.

Гдѣ гибкій орѣшникъ сплетается съ пвой,
 Фіалка подѣ сѣнью вѣтвей
Цвѣтеть, помрачая красною стыдливой
 Цвѣты и садовъ и полей.

Какъ нежно листочковъ лазурныхъ блистанье
 Подѣ каплей жемчужной росы ;
Но видѣль я очи : нежный ихъ сіянье
 Сквозь чистую перлу слезы !

Едва загорѣлось дневное свѣтило —
 И высохла въ листьяхъ роса :
Не долгій блестяла въ очахъ моеѣ милоѣ
 Разлуки печальной слеза.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

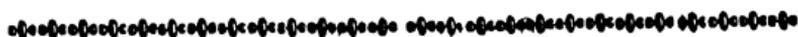
Не голубки воркованіе
Разливается по рощицѣ :
Ярославны голось стелется
По стѣнамъ Путивля дрежняго.

» Гдѣ ты Игорь — радость , счастье
Ярославны одинокія ,
Какъ въ долинѣ ландышъ вянущій?
Прилети веселой птичкою
На поля цвѣтущей родины,
Прилети въ мои объятія,
Осуши съ лица печальнаго ,
Поцѣлуемъ слезы горькія. . . .
Ахъ! когда-бъ была я горлицей —
Полетѣла-бъ къ другу — голубю
Вдоль Дуная серебристаго ;
Прилетѣла-бъ въ поле ровное —
Тамъ крыломъ любви невинныя
У шатра въ лугу муравчатомъ

Обняла бы Князя милого!
Отерла бы рапы горькія
Рукавомъ бобровымъ съ ласкою!...
Вѣтеръ, вѣтеръ! Что съ насиліемъ
Вѣешь крыльями холодными?
Ахъ! зачѣмъ стрѣгу пернатую
Не отвѣялъ ты отъ Игора?...
Ахъ! зачѣмъ мое веселіе
Ты развѣялъ рѣзво по лугу
Вмѣстѣ съ листьями поблекшими?
Малюль горь крутыхъ — играть тебѣ
Съ облаками серебряными;
Корабли лелѣя по морю
Вѣять въ парусы игривые?...
Солнце свѣтлое, прекрасное!
Всѣмъ ты мило, всѣмъ прелестно ты,
Всѣмъ сердцамъ блестишь ты радостью
На лазури неба чистаго!
Ахъ! зачѣмъ лучи каменные
Пролило на милыхъ вонповъ?...
Лукъ засохъ унывшихъ ратниковъ,
Притупились стрѣлы острыя,
Щитъ и шлемъ покрыты пылію!...
Свѣтлый Днѣпръ! Рѣка широкая!
Ты пробилъ сквозь горы каменны
Путь въ предѣлы Половецкіе.
Ты лелѣялъ Святославовы
Ладіи — на бѣлыхъ парусахъ

Бѣлой, лебединой стаєю
Разстѣкавшія поверхность водъ!
Ахъ! лелѣя на зыбяхъ своихъ
Ты неси ко мнѣ любезнаго —
Дабы съ утренней денницею
Или съ мѣсяцемъ серебряннымъ
Мнѣ не лить съ тоскою, горестью
Слезъ на волны моря синяго!...
Ахъ! когда бы знала бѣдная,
Что сразили друга — Игоря,
Не ходила бъ къ морю синему!
Не мочила бы боброваго
Рукава въ слезахъ катящихся!
Не смотрѣла бъ въ даль пустынную,
Не бѣлвють ли тамъ парусы
Рывымъ вѣтромъ воздымаемы!
Не лила бы слезъ потоками
На песокъ, на камни хладные!»

КЪ ПОСТУМУ.

Eheu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni

Ахъ! Постумъ, Постумъ, какъ мечта,
Какъ сновидѣніе, мѣта
Мелькають быстро за лвами.
О другъ! ни горькими слезами,
Ни благочестьемъ, ни мольбами, —
Ни чѣмъ не отвратить сѣдинъ,
Брюзгливой старости морщинъ,
И смерти лютой, непреклонной.
Хотябъ ты каждый день рыдалъ
И предъ кумиромъ благовоинной
Во храмъ ладанъ возжигалъ;
Хотя бы триста закалалъ
Воловъ на олтарь Плутону:
Слезамъ твоимъ, обътамъ, стону,
Безжалостный не внемлетъ онъ.
Имъ въ царство тѣней заточень
И трехтѣлесный Геріонъ

И Тицій громомъ пораженный.
Тудажъ за брегъ рѣки священной
Тудажъ и насъ въ челнѣ
Умчитъ на вѣкъ отъ жизни брѣнной.
Всѣмъ — будь иль царь иль селянинъ —
Всѣмъ жребій равный, путь одинъ.
Тудажъ, за брегъ рѣки священной,
Всѣхъ раноль, позднולי Харонъ
Умчитъ на вѣкъ отъ жизни брѣнной.
Вотще со страхомъ убѣгаешь
Кровавыхъ Марсовыхъ полей;
Вотще крылатою ладьей
Подъ воемъ бурь не разсѣкаешь
Кипящихъ Адриі валовъ;
Вотще укрылся въ теплой сѣни,
Когда съ полудня вѣтръ осенній
Летитъ съ грядами облаковъ :
Увидишь мрачный міръ Аида ;
Гдѣ воды черныя клубить —
Струей льнивою Коцитъ,
Узришь безславныхъ Данандъ,
Труды Сизифа-Эолида.
Оставишь нѣкогда луга,
Оставишь жатвы золотыя ,
И Тибра пышные брега ,
И пляски Грацій полевья ;
Супругу милую , и садъ ,
Гдѣ плещетъ свѣтлый водопадъ

И вьется ручеекъ кристальный;
Оставишь все — и за тобой
Одинъ лишь кипарисъ печальный
Послѣдуетъ на холмъ пустой,
И будетъ, вѣчно зеленя,
Оплакивать у Мавзолея
Столь быстротечный жребій твой.
И скромный домъ осиротѣетъ,
И расточитель овладѣетъ
Богатствомъ скопленнымъ тобой;
Опустошить всѣ кладовыя,
Друзей на шумный пиръ сзвать;
Цѣдя въ Фіалы золотыя
Цекубски вина дорогія,
Небрежно на полъ разольетъ. —

Э Л Е Г И Я.

М. С. К.....ъ.

Земля туманами одѣта,
Завяль цвѣтистый, мягкій лугъ,
И ласточка, пѣвица лѣта,
Взвилась въ далекій, теплый Югъ.
Такъ радость жизни улетѣла,
Вспорхнулъ души небесный миръ,
И я угрюмъ, я мраченъ, сиръ;
И грудь изныла, охладѣла,
Мечты отъ сердца далеки,
И мразь по жиламъ пробѣгаетъ.....
И только душу согрѣваетъ
Пожатье дружеской руки. —

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Роса озаренная алымъ сіяньемъ ,
На нѣжномъ блеститъ василькъ ;
Картины цвѣтущей весны съ трепетаньемъ
Рисуются въ ясной рѣкѣ.

Прекрасны — источникъ , бѣгущій съ утеса ,
И роща въ пурпурныхъ лучахъ ;
И сладостенъ сопъ озлащенного лѣса ,
Глубокій покой на поляхъ !

Прекрасна-золотая звезда на огнистомъ ,
Багряномъ краю облаковъ ,
Кудрявая липа на холмѣ душистомъ
И риза цвѣтная луговъ !

Прекрасенъ въ долигѣ кустарникъ зеленый ,
Увлчанный прудъ тростникомъ ,
И сладко журчащій ручей , осыпанный
Развѣсистой ольхи шатромъ ! . . .

Все тихо! лишь иволги въ роцѣ стенанье,
И звонкая трѣль соловья,
И гибкой осины листовъ трепетанье
Сливаются съ плескомъ ручья.....

О сколь восхитителевъ вечеръ весенній —
Природы уснувшія видѣ!
О какъ неизмѣнно любовь въ своей снѣи
Сонмъ тварей союзомъ хранить!

О сколь ты премудро, Благій и Всесильной!
Для счастья миръ сотворишь!
И розы долины — съ улыбкой умильной
И сонмы горящихъ свѣтилъ.

Ты двинешь десницей — и листъ упадетъ
На крыльяхъ Зефира съ кустовъ;
Ты двинешь — въ пространствѣ небесъ исчезаетъ
Система плывущихъ мировъ!

П Л Я С К А .

Зри , какъ быстро четы волною игривой кружась ,

Чуть досзая земли рѣзво-крылатой стопой !

Тѣпи ли зрю я воздушныя , свергшія тѣла оковы ?

Эльфы ль въ сіяньи луны свѣтлою цѣпью плывутъ ?

Какъ , зефиромъ колеблемый , дымъ струится летучій ,

Словно въ серебристыхъ зыбяхъ легкой колышется

челнъ ,

Скачеть , топочеть стопа подь сладостный ладъ пер-

реливовъ ;

Рокоть , бряцаніе струнъ живость вливаютъ въ тѣла .

Вотъ , какъ будго стремясь расторгнуть цѣпь хоровода ,

Тамъ , въ стѣснившійся рядъ мчится отважно чета .

Быстро предъ ней разступается ходъ , исчезая за нею ;

Словно волшебнымъ жезломъ вдругъ заграждается

путь .

Мигомъ отъ взоровъ она потерялась ; въ смятеніи

дикомъ

Гибнеть плышительный строй , двигаясь рушится

миръ .

Нѣтъ, тамъ ликуя несется она; развивается узелъ;
Лишь въ пзмѣненной красѣ вновь учреждается чинъ.
Рушася вѣчно, зиждется вѣчно, вращаясь, творенье;
Тайный законъ естества править игрой перемѣлъ,
Но отъ чего же, вѣщай, непрестанно зыблются лики
И въ движеніи существъ царствуетъ вѣчный покой?
Всякъ владыка, свободешъ, лишь сердца внушленно
подвластенъ,
И скоротечно сплзнитъ общей, извѣстной стезей?
Хочешь ли знать? То уставъ Гармоніи — мощной
богини :

Дружную пляской она буйный смиряетъ скачокъ;
Какъ Пемезида, златой сладкозвучья уздой укрощаетъ
Дикую радость души, пылкій, кипящій восторгъ.
Или вотще для тебя рокочетъ музыка вселенной?
Иль не чаруетъ тебя стройнаго пѣнья потокъ?
Ни восхитительный ладъ, согласіе чудное тварей,
Ни круговой хороводъ, плавно въ пространствахъ
небесъ
Свѣтлыя солнца вращающій на поприщахъ, смѣло из-
витыхъ?
Мѣры, хранимой въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ ты не
блюдешъ.

ДУМА ЗЛОДЪЯ.

Какъ въ морѣ бьется утлый чолгъ,
Такъ я волнуюсь страстью!
Какъ въ небесахъ ужасный громъ
По тучамъ пробѣгаетъ,
Такъ надъ моей главой гремитъ
Отмстительница-кара!
Ахъ яростныхъ судебъ удара
Никто, ничто не отразитъ. . . .
Исчезну я — но преступленья
Пребудутъ въ вѣкъ позоръ людей!
И сладкій міръ успокоенья
Найдуль въ обители тѣней!
Ахъ, нѣтъ! мой гнусный прахъ истлѣетъ —
Но черной жизни моя
Дыханье смерти не развѣетъ:
Дѣла безсмертны, какъ и я. —

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

Когда природа разцвѣтала
И ранній жаворонокъ пѣть ;
Незпно дѣва посѣщала
Долину — пастырей удѣль.
Она родилась не въ долинѣ ;
Отколѣ гость, никто не зналъ ;
Но лишь скрывалась, какъ въ пустынѣ
Слѣдъ дѣвы скоро исчезалъ.
Все въ ней влекло, обворожало
Лился восторгъ съ ея очей :
Но сердце млѣло, трепетало,
Благоговѣло передъ ней.
Она цвѣты, плоды носила,
Вмѣтянны въ странѣ иной,
Лучемъ не нашего свѣтла,
Не нашей красною весной ;
И гости къ ней текли толпами,
И дѣва щедрою рукой
Дарила юношу цвѣтами !

Плодами старца надъ клюкой.
И были всѣ той дѣвѣ рады;
Но для стыдливья четы
Хранились лучшія награды —
И всѣхъ румянѣ цветы. —

ПѢСНЬ ЛЮБВИ (*).

На новый 1830 годъ.

Снова мы стеклись , о братія ,
Всѣ въ одинъ семейный кругъ ;
Снова теплыя объятія
Отверзаетъ другу другъ.
Сошлетемъ же красной младости
Пѣснопѣнія вънецъ ,
Освятимъ для горней радости
Храмы дольніе сердець!

Было время : одинокою
Каждый странствовалъ тропой ,
Сквозь туманъ и глушь далекою
Увлѣкаемый звѣздой.
Но Грядый незримо съ чадами
Смилъ пути въ единый путь :
Взгляды встрѣтились взглядами
И къ груди прижалась грудь.

(*) Читано въ собраніи профессорскаго Института,
при празднованіи Нового года.

Духомъ втайнѣ прореченное
Въ милый образъ облеклось,
И свѣтило вождеденное,
Всѣмъ единое, зажглось.
То свѣтило незакатное
Мы любовію гласимъ :
Чье-то око благодатное
Въ наше сердце смотритъ имъ.

Какъ отъ страпъ грѣхопаденія,
Гдѣ земный отцвѣлъ эдемъ,
Ввстникъ шествовалъ спасенія
Къ яслямъ Бога въ Виоміемъ
И, колеблясь утѣшительно,
Разливалъ нетлѣнный свѣтъ ;
Полны радости живительной,
Мудрецы текли во слѣдъ :

Такъ изъ брэннаго отечества,
Гости міра, мы грядемъ
Къ колыбели человечества
Въ невѣтшающій эдемъ.
Вихремъ дни за днями рѣются,
Молніей мелкаеть годъ. . . .
Скоро, скоро! мраки съются. . .
Утро! . . . Путники, впередъ!

Дышетъ въ лица распаленныя
Намъ разсвѣтнѣй вѣтерокъ,
Росы путь кропятъ студенья,
Розами горитъ востокъ.....
И внезапно въ блескъ веліемъ
Станетъ вождь верху гробовъ,
И взыграемъ мы веселіемъ
И въ убогій впадемъ ровъ.

Ахъ! тамъ солнца пренебеснаго
Возсіяетъ полный ликъ!
Меркнетъ ока лучъ тѣлеснаго,
Цвѣплетъ нашъ языкъ!....
Но еще мы зъсь, о братія!
Нась земный стѣсняетъ кругъ!
Пусть же въ теплыя объятія
Заключаетъ друга другъ!

СПОКОЙСТВІЕ.

Холмится бурей водъ равнина ,
Кипятъ валы , реветъ пучина
И звѣздъ сопутницъ меркнетъ свѣтъ.
Пловецъ трепещетъ устрашенной ,
Блѣднѣетъ — и мольбой смиренной
Съ небесъ спокойствіе зоветъ.
Герой въ пыли кипящей брани
Страшится блещущихъ мечей ,
Вздыхаетъ , и подъемля длани ,
Зоветъ покой душъ своей.

Но лишь желанія свершилнесь ,
Лишь бурны вѣтры укротились ,
Вновь моря зыбь пловецъ браздитъ.
Недавнимъ боемъ утомленный
За лаврами , за новой славой
Герой опять на смерть спѣшитъ.
Спокойствіе , тебя желаемъ
И въ часъ , когда тебя бѣжимъ !
Съ тобою смерть мы презираемъ
И отъ тебя — къ тебѣ жъ летимъ.

Здѣсь Царь на ложѣ позлащенномъ :
Безмолвно, въ трепетъ священномъ,
Окрестъ не дремлетъ воевъ строй ,
Но царь боязнию томится ,
Онъ стонетъ ; почь во вздохахъ длится —
И надъ выпанною главою
Не вѣетъ сладкій сонъ крилами ;
Отъ томныхъ вѣждъ покой бѣжитъ ;
Царь бдитъ еще, когда лучами
Денница горъ верхи златить.

Тамъ пастырь на коверъ зеленый
Безпечно простираетъ члены ;
Какъ лугъ , душа его ясна ,
Гдѣ лишь зефиръ въ листахъ играетъ
И въ перловой росѣ сверкаетъ
Сіяньемъ брежжущимъ луна.
Не движутъ сердца въ немъ заботы ;
Ни замысль суетный , ни страхъ
Не возмутятъ его дремоты :
Онъ зритъ Дориду и въ мечтахъ.

Покой летитъ отъ водъ бурливыхъ ;
Летитъ отъ замковъ горделивыхъ ;
Летитъ отъ славы и честей ;
Отъ сонма ратниковъ несется ;
Тирановъ лютости смѣется ;
Безцѣнный діадимъ царей —

Онъ любить жить въ семьѣ невинныхъ,
Простосердечныхъ пастуховъ ;
Въ укромныхъ шалашахъ пустынныхъ ,
На брегъ свѣтлыхъ ручейковъ.

Когда еще при чистыхъ нравахъ
Блуждали пастыри въ дубравахъ ,
Цвѣло довольствіе и миръ ;
Средь рощицъ вѣрность обитала ,
Душа корысти не алкала ,
Не вѣдомъ былъ похваль кумирь.
Жизнь пастыря утѣхи дили ;
Являлась смерть какъ милый другъ ;
Стада — его народы были ,
Чертоги — куща, царство — лугъ.

Отъ хищныхъ взоровъ скрыто мглою,
Жельзо спало подъ землею
И злато, пагубный металлъ.
Не обнажался мечъ блестящій ,
Трубы военной гласъ гремящій
Сердце на бой не воспалялъ.
Кровавыхъ браней вихрь бурливый
На мирныхъ долахъ не шумѣлъ ,
Пастухъ цѣвницею игривой
Еще любовь и дружбу пѣлъ.

Но измѣнился ликъ природы :
Любви , согласья , мира годы
Какъ сонъ прелестный утекли .
Время владычица блаженныхъ ,
Павѣкъ отъ смертныхъ развращенныхъ ,
Сокрылась Истинна съ земли ;
И ей во слѣдъ вспорхнулъ гонимый
Мечемъ и золотомъ , покой :
И только мудрецу незримо
Онъ возвращаетъ вѣкъ златой .

Тщеть кто вѣю не склоняетъ ;
Для жизни — смерть воспоминаетъ ,
Для смерти — въ правдѣ жизнь блюдетъ .
Согласный съ міромъ и съ собою ,
Не бремешитъ небесъ мольбою :
Въ немъ , что другой отъ неба ждетъ .
Едица доблесть насъ возноситъ ,
Мзду токмо въ ней мы обрѣтемъ ,
Тотъ кто , стяжавъ вѣнецъ , отброситъ ,
Какимъ украсится вѣщемъ ?

Тотъ истый царь , кто правъ душою ,
Кто страсти оковалъ уздою ,
Кто въ очи смерти хладно зреть .
Въ немъ тотъ же духъ подъ небомъ чистымъ ,
Или когда покровомъ мгlistымъ
Свѣтило дня гроза мрачить .

Пусть рухнет волей провидѣнья
Ось мірозданья надъ главою,
При грозномъ трескѣ разрушенья
Не возьмется онъ душой.

Земля, вращаясь круговою
Творцемъ начертанной стезею,
Обряцетъ въ пламени конецъ.
Исчезнуть звездъ несмѣтныхъ хоры,
Раздастся вопль: обрушѣтесь горы!
Но не восмачется мудрецъ.
Треща сводъ неба сокрушится,
Луны и солнца смеркнетъ свѣтъ.
Вновь Хаосъ ветхій воцарится:
Господь восхоцетъ — міръ прейдетъ.

Что зрю я? Мраки расточились!
Что зрю я? Солнцы воспалились
И новыхъ сферъ катится строй!
Се! громъ трубы къ суду сзываетъ —
Расторгмась ночь — черунь сверкаетъ!
О мудрость, се зрю образъ твой!
Ты истны друзей стремишься
Отвлечь отъ яростныхъ громовъ;
Ты дань простренишь имъ и помчишься
Сквозь лучезарный кругъ міровъ.

ДРЕВНЯЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

I.

Шествуйте, Елиновъ чада!
Бранное время пришло!
Не мы-ль свободы ограда?
Мы ли понизимъ чело?
Явимся местью отчизны,
Свергнемъ тиранства яремъ;
Не опозоримъ сей жизни!
Други, сразимъ или умремъ!
Къ мечамъ; сыны свободы! въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рвкой,
Самихъ попремъ стопами!

II.

Спарта, ты спишь — и оковы
Грудь бременять: о, воспрянь!
Кликни Афинамъ: » почто вы
Дремлете! Идемъ на брань! «
Пусть на семь подвиговъ смѣломъ
Будетъ и жезлъ вашъ и щитъ
Доблѣй душою и дѣломъ
Храбрый герой — Леонидъ!
Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,
Самихъ попремъ стопами!

III.

Вспомните: онъ Термопиль
Своею славой огласилъ;
Персовъ несмѣтныхъ силы
Съ горстью своихъ сокрушилъ,
Отдалъ свободѣ священной
Радостно жизнь онъ свою,
Храбро, какъ левъ разъяренной,
Палъ на кровавомъ бою.
Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой!
Самихъ попремъ стопами!

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ.

Оставляю кровь безцвѣтный,
Гдѣ цвѣтеть моя любовь,
И бреду, уединенный,
Въ глубь таинственныхъ лѣсовъ.
Мѣсяцъ дубы осребряетъ,
Зефиръ дышетъ по цвѣтамъ
И съ березъ густыхъ свѣваетъ
Надъ поляной фиміамъ.

О, съ какимъ восторгомъ сладость,
Нѣгу лѣтней ночи пью!
О какъ быстро льется радость
Въ душу грустную мою!
Сердце бьется чаще, чаще. . . .
Но съ лобезною моею
Ночь одна, прелестнѣй, слаще
Тысячи такихъ ночей.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Гдѣ вечеромъ осина
Трепещетъ надъ прудомъ,
Гдѣ оймѣамъ ясмѣина
Развѣянъ вѣтеркомъ :
Съ калиткою плетеной,
Рисуясь въ лонѣ водѣ,
Вкругъ хижины смиренной
Укромный садъ цвѣтетъ.

Отъ бурнаго волненья
Спѣшу къ тебѣ назадъ
Подъ кровъ успокоенья,
Родимый тихій садъ !
Привѣтствую съ слезами
Васъ, холмы и поля,
Гдѣ, радостными днями
Текла весна моя !

Вотъ мрачныя березы
Спокойствія прютъ ;
Сія гряда, гдѣ розы
Съ гвоздиками цвѣтутъ ;
Сей съ желтою крапивой
На кровль мохъ съдой ;
Колодезь ; говорливый
Источникъ подь травой ;

Рядъ ульевъ : пчель жужжанье,
Калитки ветхой скригъ,
Голубокъ воркованье
И шопотъ древнихъ липъ :
Все здѣсь краснорѣчиво,
Все въ душу сладость льеть,
Все юности счастливой
Дни сердцу отдаетъ !

О ты, чей жезль свергаетъ
Съ минувшаго покровъ,
Чей голосъ вызываетъ
Изъ гроба рядъ вѣковъ,
Мечта ! укрась цвѣтами
Былыхъ восторговъ слѣдъ
И озари лучами
Тропинку майскихъ лѣтъ.

*

Зрю дубы въковые
Брсть шелковый ручья,
Гдѣ ощутилъ впервые
И грусть и радость я ;
Поляну подѣ горою,
Гдѣ, у сребристыхъ водъ,
Подѣ звукъ рожка, весною
Кружился хорóводъ ;

Засѣку, гдѣ какъ Флора,
Лилета, цвѣтъ села,
Фіалки для убора
И ландыши рвала ;
И прудъ, гдѣ я рѣзвился
По значнымъ берегамъ,
Когда мой флотъ носился
По зеркальнымъ струямъ.

Здѣсь, гдѣ колосья нивы
Волнуетъ вѣтерокъ,
Овсянокъ въ чащѣ нвы
Мой обольщаль сенокъ,
Тамъ въ рощицѣ тѣнистой
Я нволгѣ впимать,
Тамъ на травѣ цвѣтистой
Изъ вѣтвей воздвигаль

Прохладнаыя палаты
Въ кустахъ, у ручейка ;
Здѣсь съ трескомъ змѣй крылатый
Летѣлъ подѣ облака ;
Тутъ на ковръ зеленомъ
Гонялъ я мотыльковъ ;
Тамъ шлепъ подѣ мшистымъ кленомъ
Вѣнки изъ васильковъ.

Вотъ школа съ повелнкой
П.нощъ вѣтся по стѣнамъ :
Здѣсь грозный дьякъ — владыкой
Міровъ казался намъ.
Тамъ у пруда, подѣ тѣнью
Дубовая скамья,
Гдѣ яйцы въ *Воскресенье*
Каталъ съ друзьями я.

Вотъ яворовъ подѣ сѣнью
Кладбище, рядъ могиль :
Здѣсь, преданъ размышленью,
Я при лунѣ бродилъ,
Бесѣдовалъ съ гробами,
Ихъ тайный гласъ внималъ —
И съ жаркими слезами
Крестъ матери лобзалъ ;

Помость, гдѣ поспѣдой
Герой, на костыляхъ,
Съ улыбкою веселой
И съ пламенемъ въ очахъ
Про лѣтъ старинныхъ славу
Повѣствовать любилъ,
Про Рымникъ, про Варшаву
И гордый Измаилъ.

Гумно, гдѣ подъ игривой
Звонъ цитры, межъ сноповъ,
Съ подругою стыдливой
Въ вѣнкѣ изъ васильковъ
И классовъ, жнецъ прелестный,
Какъ юный Фавпъ, плясалъ ;
И хоръ селянъ окрестный
Цереру восгѣвалъ.

Вотъ на лугахъ зеленыхъ
Душистыя скирды
И мѣльницъ окриленныхъ
Веселые ряды ;
Озерко межъ кустами,
Гдѣ зыблется тростникъ
И плещется струями
Порхающій куликъ.

Вот холмъ : съ зарей багряной
Здѣсь жавронокъ трелиль ;
И гулко надъ поляной
Пастухъ въ рожокъ трубилъ. . . .
Въ долинь, подѣ рощи,
Гдѣ соловей свисталь,
Подѣ кровомъ лунной нощи
Былъ мой оеатръ и балъ.

Клубъ радужныя пѣны
Былъ краше и свѣтлѣй,
Чѣмъ пурпуръ многоцвѣтный
И перлы богачей.
Бесѣдка, гдѣ я крѣлся
Въ полдневный сильный зной,
И въ забыты стремился
Въ волшебный мѣръ мечтой.

Тамъ зрѣлъ я окрѣпленныхъ
Змей, дышущихъ огнемъ,
И карликовъ зеленыхъ
Съ алмазнымъ копѣемъ.
Прудъ-океанъ сердитый,
Шалашъ — былъ замокъ фей,
Вѣтвь — конь златокопытый,
Волшебникъ — соловей.

Тогда, заботъ не зная,
Какъ ландышъ полевой
Я росъ, благословляя
Завидный жребій свой ;
И дни мои златились
Веселіемъ однимъ,
И слезы не катились
Въ желаньи видѣть Римъ,

Рафаеля картины,
Швейцаріи снѣга,
Неаполя долины
И Рейпскіе брега ;
Ихъ замѣняли : значный
Пригорокъ иль лужокъ,
Фіалки, клочъ прозрачный
И желтый мотылекъ.

Ахъ ! если вспомню младость,
Всю прелесть игръ златыхъ,
Невинность сердца, сладость
Восторговъ молодыхъ ;
Сколь тяжко воздыхаеть
Грудь томная моя !
Такъ вѣтеръ колыхаеть
Зыбь гладкаго ручья.

Ахъ! быстро улетѣи,
Вы, дни весны моей!
Отъ мирной колыбели
До гробовыхъ дверей
Что съ вами, что сравнится?...
О благо свѣтлыхъ дней!
Слеза моя катится
Невольно изъ очей!...

О родины долины!
Вы, холмы, вы, луга!
Ахъ, Альповъ ли вершины,
Пеня ли берега,
Иль рощи Кашемира
Замѣнять васъ собой?
Тебя, обитель мира,
Невинности святой?

На снѣжныя стремнины
Въ предѣлы чуждыхъ странъ,
На бурныя пучины
Въ свирѣпый океанъ,
Въ пріютъ уединенья,
Ко мнѣ въ мечтахъ златыхъ,
Глаголы утѣшенья
Летятъ съ полей родныхъ.

Когда не озарлетъ
Мглу ночи ликъ луны,
И эхо повторяетъ
Мой стонъ средь тишины ;
Съ небесъ отчизны льется
Ко мнѣ покоя лучъ :
Такъ алая смѣется
Девница послѣ тучъ.

Бразди моря ладьею
Какъ Магелланъ и Кукъ ;
Безвѣстною стезею
Пройди во храмъ наукъ ;
Видь ликъ твой изваянный
Во мраморъ, въ мѣди,
Спи, нѣгой обаянный,
Киприды на груди ;

Державъ, племень властитель,
Правь думами царей ;
Будь Перу повелитель ;
Голкоцдою влады ;
Всѣ лавры, всѣ короны
Владыкъ земныхъ стяжай ;
Всѣмъ чѣмъ сіяютъ троны,
Единый ты сіяй :

Ахъ ! тщетно ! Рой жужжащій
Заботъ летить съ тобой ;
Вездѣ : въ чертогъ блестящій,
Въ моря, въ кровавый бой !
Звучитъ весельемъ лира —
Но гдѣ мечты твои ? . . .
Ахъ въ свѣтлый кубокъ пира
Слезъ точатся струи . . .

Ты презрѣль шумъ военный :
Тоска мрачить твой взоръ ;
Безсмертьемъ озаренный,
На льды Альпійскихъ горъ
При плескахъ ты восходишь :
Но скорбь — тебѣ во слѣдъ,
И счастья не находишь
Средь лавровъ и побѣдъ !

Почто же, въ дальни страны —
Безумные летимъ ?
Изплававъ океаны
Себя ли убожимъ ?
Ахъ ! счастье насъ мѣлеть
Лишь въ родинѣ святой,
Дыханье мира вѣтъ,
Вкругъ юности одной !

Какъ роза молодая,
Какъ зеркало ручья,
Какъ радуга златая
Прелестны дни ея!
Съ невнимательностью играетъ
Богъ времени съдой,
Но ей не развиваетъ
Священный свитокъ свой.

Ахъ! Стикса брегъ ужасный —
Брегъ нашихъ всѣхъ страстей;
Блеснетъ лишь Вespерь ясный —
Конецъ мечтамъ дѣтей!
Насъ туча устрашаетъ:
Невнимательность межъ цвѣтовъ
Съ улыбкой засыпаетъ
Подъ рокотомъ громовъ!

КЪ ДРУГУ,

(во время грозы).

Пусть съ ужасомъ блѣднымъ порокъ боязливый
Въ ущелія темныхъ вертеповъ летитъ,
И мщенья трепещетъ судьбы справедливой,
Что въ пламенныхъ тучахъ по небу паритъ.

Съ высотъ осѣненная мощной рукою,
То бурю кротящей, то вержущей громъ,
Стоитъ, какъ въ сіяніи дня подъ грозою,
Осклабяся Доблесть съ подъятымъ челомъ.

Въ перунахъ, свкущихъ померкшіе своды,
Въ борющихся вихряхъ, въ стenanыи дубровъ,
Ей слышатся тѣже глаголы природы,
Какъ въ шорохъ зыблющихъ злакъ ветерковъ.

Изрыто премьнами попреще свѣта ;
Несчетно вѣтсѣ на ономъ путей ;
Но вѣчна одна провидѣнія мѣта :
Вѣются стези — и сливаются въ пей.

Всобщее благо равно пламенѣеть
Въ свѣтилахъ, падъ синимъ эфиромъ горить ;
Какъ въ розѣ нагбенной росою альѣеть,
Иль въ нѣжныхъ малиновки треляхъ звучить.

Во вѣкъ да не тмить, о мой другъ не забвенный,
Души твоей свѣтлой, мечтательный страхъ :
Эгидой ума отъ тебя отраженный
Пускай онъ гнѣздится въ растлѣнныхъ сердцахъ.

Да нѣжно хранить тебя горняя сила,
И дни твои въ радужномъ блескѣ текутъ ;
Да Ангелы окрестъ лазурныя крила,
Какъ снѣгъ надъ главою твоей распрострутъ.

Когда по безбрежнымъ пучинамъ творенья
Последній прокатится рокоть громовъ ;
Разстроить согласныя звѣздъ пѣснопѣнья,
И мертвыхъ воздвигнетъ подъ склепомъ гробовъ :

Спокойно да узришь съ отрадой священной,
Конечную бурю, сквозь вихри огня,
Съвозь пепель и дымъ, по обломкамъ вселенной
Ведущую въ свѣтъ невечерняго дня!

КЪ МЕЛЬПОМЕНЪ.

Quem tu, Melpomene,

Кто нѣжный и ласковый взоръ Мельпомены
Привѣтствовалъ первой улыбкой очей :
Того не украситъ листъ дуба зеленый
На играхъ Истмійскихъ ; не узритъ Алфей
Его колесницы ; и прахъ воздымая
По звонкому полю столпомъ отъ копытъ,
Соперниковъ гордо вдали оставляя,
Конь быстрый къ побѣдѣ его не примчитъ ;
Увѣчанннй лавромъ, съ корыстью военной ,
Поправши кичливость крамольныхъ владыкъ,
Не вступитъ герой въ Капитолій священной,
Внимая народные плески и крикъ : —
Но въ Тибуръ смирномъ, въ объятяхъ свободы,
Кудрявыя рощи и зелень луговъ
И тихихъ ключей свѣтлоструйныя воды
Вдохнуть въ него къ сельской цѣвницѣ любовь.

Вселенной властителя чада, квинты,
Плѣняются лирой моею ; я вступилъ
Въ любимыя хоры пѣвцовъ знаменитыхъ ,
И зависти стрѣлы сей щитъ притупилъ.
О муза, люющая ризвой игрою
Волшебныя звуки по арфамъ златымъ,
Ты, властная дати прихотливою рукою
Гласъ лебедя сладостный рыбакамъ пѣлымъ !
Твой даръ, о Богиня, твой даръ, что повсюду
Въ устахъ повторяется имя мое :
Что въ дальнемъ потомствѣ забыть я не буду,
Что правлюсь при жизни (коль правлюсь) — твое !

С Т А Н С Ы.

М. С. К—в.

Не сбьлись мечтанья младости,
Сны златые майских дней !
Не цвѣтуть мнѣ въ жизни радости
Нѣтъ утѣхъ душѣ моей !

Закатилось солнце ясное
Озарявшее мой путь ;
И небесное, прекрасное,
Хладную не грѣть грудь.

Не пльняеть даль картинами,
Чувство славы умерло,
И унылыми морщинами
Обложилось чело.

Мучусь грустью безотрадною,
Ахъ! я гнѣвъ судьбы позналъ!
Рано опытъ дланью хладною
Сердце бѣдное сковать.

Лишь одною тихой лирою
Услаждаю злой недугъ;
Лишь не сирѣ душою сирюю —
Близъ тебя, мой милый другъ!

МОГУЩЕСТВО

П Ъ С Н О П Ъ Н І Я.

Какъ ярый громъ, изъ щелей горныхъ
Грядетъ потокъ, сынь грозъ и льдовъ ;
Крутятся скалы въ хлябахъ чорныхъ,
Могучесть вержется дубовъ ;
И млеть путникъ и трепещеть,
Падущихъ ревомъ водъ пльнень ;
Онъ слышитъ : валъ съ утеса мещеть,
Но гдѣ, не вѣсть, зачался онъ ;
Такъ пѣснь клубится быстротечно
Изъ темной глубины сердечной !
Завѣту страшныхъ силъ причастный,
Віющихъ втайнѣ жизни прядь,
Кто отразитъ пѣвца всевластный
Глаголь ? кто сломитъ чаръ печать ?
Какъ Эрмій, души упасаетъ
Необоримымъ онъ жезломъ :

То въ царство смерти погружаетъ,
То мчитъ горь въ надзвѣздный домъ,
То въ синевахъ подь облаками
Ширяетъ стройно лебедями.

Когда ликующихъ въ средину
Ужасный великапъ, порой
Таинственно, духовъ по чину,
Несмышной увидеть Рокъ стопой :
Пришельцу отъ инаго міра
Челомъ земныя чести бьютъ,
Кимтальпый звонъ и говоръ пира
Замретъ, личины въ прахъ падутъ,
И исчезаютъ лжей творенья
Отъ мощной правды мановенья.

Такъ, рокоть струнъ внемля призывный,
Вмигъ отрясаетъ персть суетъ
И, облеченъ въ санъ духа дивный,
Къ безсмертнымъ смертный въ ликъ грядетъ ;
Онъ вѣчныхъ слово чтить скрижалей,
Земная власть предъ нимъ молчитъ,
Ни шумъ заботъ, ни стоиъ печалей
Къ безстрастному не долетитъ ;
Святымъ горящій вдохновеньемъ,
Онъ падъ судьбой стоитъ и тѣньемъ.
И какъ, по грусти безнадежной,
По черныхъ сиротства годахъ,
На сердце родшей, каясь нѣжно,
Въ горячихъ сыпъ падетъ слезахъ :

Такъ дѣтства къ снѣжамъ пѣснь родная,
Невинности въ блаженный садъ,
Изъ дальня чуждыхъ нравовъ края
Приводитъ бѣглеца назадъ,
Да чистой вкуситъ вновь свободы,
Согрѣтый у груди природы.

М О Г И Л А.

Сладко спать въ гробъ мягкомъ, дерновомъ !
Мракъ и безмолвіе тамъ !
Онъ застилаетъ чернымъ покровомъ
Міръ незнакомый сердцамъ.

Въ нѣдрахъ могилы не раздастся
Нѣжная пѣснь соловьевъ ;
Съ томнымъ журчаньемъ въ зелени вьется
Чистый ручей межъ цвѣтовъ.

Вѣрная дружба свѣжія розы
Сыплеть съ любовью на мохъ ;
Тщетно на камень катятся слезы ;
Тщетно унынія вздохъ

Къ милому другу въ гробъ посылаютъ
Юныя дѣвы весны ! . . .
Воины младенцевъ не долетаютъ
Въ край безответной страны ! . . .

Гдѣ же въ сей жизни сладостный, милый —

Гдѣжь обитаетъ покой? . . .

Ахъ! лишь вратами мрачной могилы

Входимъ мы въ край золотой! . . .

Сердце колыблеть бури въ сей жизни:

Въ ней лишь несчастье одно!

Сердца миръ сладкій — въ лонѣ отчизны,

Тамъ, гдѣ не бьется оно! . . .

Д Ъ Т С Т В О.

Пурпуромъ пымаеть
Облаковъ гряда ;
Ласково сіяеть
Вечера звѣзда ;
Нѣжной Филомелы
Льется въ роуцѣ трель ;
Въ хороводъ веселый
Нимфѣ зоветь свирель :
Ахъ ! Въ сей часъ отрады
Устремляю я
Горестные взгляды
Къ вамъ — утѣхъ семья ,
Радости бѣлыя ,
Счастія привѣтъ ,
Игры золотыя —
Прелесть Майскихъ лѣтъ.

Сумракъ разступился ,
Надъ рѣкою боръ
Черный озарился ;
Сквозь туманный флеръ
Вновь луна сверкаетъ
Перлами лучей :
Такъ порой слетаетъ
Мракъ съ души моей , —
Въ часъ , когда блистая
Прелестію для
Гостя неземная
Посѣтитъ меня ,
Нѣжно улыбнется
Словно дочь весны , —
И опять сольется
Съ мглою старины .

Сколь прелестенъ въ бѣлой
Ризѣ и въ вѣнкѣ ,
Съ розой облетѣмой ,
Съ лилей въ рукѣ ,
Мирный смерти Геній ;
Дѣтства милый братъ ,
Чистыхъ наслажденій
Красящій закатъ !
Юность насъ плѣняетъ
Какъ зари восходъ ;

Какъ сквозь дымъ мерцаетъ
Ночь съ толпой заботъ ;
Тамъ въ странѣ прекрасной
Чище дня разсвѣтъ,
За денницей ясной
Вечеръ не придетъ. —

**

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Лампада брежжетъ ; у окна
Бушуетъ вѣтеръ хладный ;
Вокругъ все спитъ ; лишь я безъ сна
Съ тоскою безотрадной. —

Сверчекъ за печкою кричитъ ,
Молчанье прерывая ;
И вѣщій маятникъ звучитъ ,
Мнѣ смерть напоминая.

Склонивши голову сижу ,
И съ горькою слезою ,
Былое счастье бужу
Угрюмою мечтою. —

Ахъ ! нѣтъ сновъ жизни золотыхъ !
Нѣтъ радостей летучихъ !
И жизнь сія — едваль и сихъ
Достойна слезъ горючихъ.

Внимай какъ въ стекла градъ дробить ,
Какъ вихоръ завываетъ ,
Какъ листьа желтые клубить ,
И лсени качаетъ.

Листокъ валится за листкомъ :
Такъ вянуть наслажденья !
Ахъ ! скороль въ вихрѣ роковомъ
Я скроюсь въ гробъ забвенья ?

ВЪ АЛБОМЪ КЪ СЕСТРЪ.

Когда бы далъ мнѣ Аполлонъ
Волшебный, сладкій гласъ Орфея :
Восторгомъ чистымъ пламенья ,
Взлетѣлъ бы я на Геликонъ —
И тамъ, надъ свѣтлыми струями ,
Возсѣвъ на значный дернъ подъ тѣнь ,
Я громозвучными стихами
Воспѣлъ бы сей священный день !
Но мнѣ безвѣстно вдохновенье ,
Мнѣ не сіяетъ Феба свѣтъ ;
Лишь изрѣдка воображенье
Стремить къ высокому полетъ ! . . .
Прими-жь простое изліянье
Моей чувствительной души :
Какъ лилія, благоуханье
Лія вокругъ, цвѣтеть въ глуши ,
Цвѣти ты здравіемъ , красою !
Да ввѣкъ душа твоя не вянетъ ,

Но быть во вѣки не престанетъ
Какъ утро мая — весела.
Надежда ввѣкъ да не забудетъ :
» Я счастье, радость — всѣхъ сердець ! «
Вся жизнь, скажу я наконецъ ,
Вся жизнь твоя всегда да будетъ
Плѣнительна, какъ ропоть струй ,
Свѣтла какъ ручеекъ прозрачный,
И сладостна какъ первый брачный —
Сердце слѣзье — поцѣлуй !

Б О Г У .

Тому ли, кѣмъ Альпы взнесенны къ звездамъ
Сквозь тучи, орканамъ смѣясь и громамъ,
Глядятъ на бѣгушіе вѣки,
Тому-ль орошенные потомъ, въ пыли,
Исторгнувши мраморъ изъ сердца земли,
Вы зиждите храмъ, человекѣ?
Воззрите горь! Не въ чертогъ ли святой
Скругляется небо, гдѣ онъ лѣпотою
И славою въ солнцахъ сіяетъ?
Что тлѣнна обитель предъ вѣчнымъ Творцомъ?
Онъ былъ, онъ пребудетъ: ее же крыломъ
Летящее время стираетъ!
Взираемъ! Паритъ мірозданія Царь
На крыльяхъ грозы, по стоитъ нашъ Олтарь,
Куря оймѣамъ Всеблагому,
Кто нѣжно и дольніе терны раститъ,
Кришъ сильный питаетъ и влагу даритъ,
Какъ морю, ключу луговому.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Чей гласъ звучитъ тамъ , слышу я ,
У моста предъ вратами ?
Пусть снова въ залъ пѣснь сія
Раздастся передъ нами !
Такъ Царь вѣщаль — и пажъ летитъ ,
Явился пажъ , царь говоритъ :
Впустить въ чертоги старца !

Привѣтствую тебя , соборъ
Героевъ и прелестныхъ !
Что зрю ? Се звѣздъ несметный хоръ !
Се вождь свѣтилъ небесныхъ !
Се красоты и славы храмъ ! . . .
Закройтесь , очн ! нѣтъ , не вамъ
Въ семъ храмъ наслаждаться !

Пѣвецъ склонилъ на арфу взглядъ ;
Зарокотали струны —
И души рыцарей кипятъ ,
И млыють дѣвы юны .

Умолжъ. Доволенъ Царь игрой,
И цѣпью повелѣлъ златой
Украстить вино старца.

Не мнѣ златую цѣпь сію!
Цѣпь — рыцарямъ могучимъ:
Предъ ихъ лицомъ — мечи въ бою
И копій лѣсъ дремучій;
Цѣпь канцлеру златую дай:
Подъ бременемъ заботъ — пускай
Еще златое носить.

Какъ птица на вѣтвяхъ пою;
И птицѣ пѣснь — отрада;
И пѣснь моя — за пѣснь мою
Богатая награда.
Просить дерзну ли объ одномъ!
Вели кипящую виномъ
Поднести златую чашу.

Онъ взялъ и осушилось дно:
О, нектаръ — сердца сладость!
О, благо дому, гдѣ вино
Послѣдняя есть радость!
При счастьи вспомните пѣвца,
И восхвалите такъ Творца,
Какъ я васъ восхваляю.

К Ъ Г Р О С Ф У.

Otium Divos rogat. . .

Пловець о покоѣ Боговъ умоляетъ ,
Когда воздымаяся волны шумять ,
И грозная туча луну помрачаетъ ,
И вѣрныя звѣзды во мгль не горять.

Сынъ Эракии храбрый , воспитанный въ брани ,
Персъ гордый , искусный въ метаніи стрѣль ,
Возносятъ къ покою молящія длани ;
И дикимъ пріятенъ покоя удѣль.

За камни драгіе , за пурпуръ , за злато
Спокойствія , Гросфъ , не возможно купить ;
Сокровища , Ликторъ — заботы крылатой
Не могутъ отъ Царскихъ дворцовъ удалить !

Кто въ хижинѣ бѣдной доволенъ судьбою ,
Кто весель за дѣдовской чашей вина :
Тотъ счастливъ , — и страхъ съ потаенной тоскою
Не могутъ похитить пріятнаго сна.

Почто же въ короткое время сей жизни
Мы жертвуемъ счастьемъ надеждамъ пустымъ?
Почто же мвняемъ край милой отчизны
На страны, согрѣтыя солнцемъ другимъ?

Забота плыветъ по волнамъ съ кораблями,
За всадникомъ въ битвѣ летитъ средь мечей;
И сернъ легконогихъ и Евра, грядами
Гонящаго тучи, забота быстрѣй!

Нѣтъ чистаго блага! Судьбы отказали!
Скорѣй же цвѣтами чело обовьемъ;
Улыбкой прогонимъ заботы, печали,
И розу цвѣтущую нынѣ сорвемъ!

Взять рано могилой Ахиллъ знаменитой,
Титона суровая старость томить:
Кто знаетъ, что рокомъ въ грядущемъ сокрыто?
Тебѣ въ чемъ откажетъ — меня надѣлнить.

Тебя украшаютъ червленныя ткани;
Тебя въ колесницѣ конь гордый несетъ;
Со стадъ собираешь обильныя дани;
Тебѣ гроздь Фалерна роскошный цвѣтетъ:

Я, въ Тибурѣ, скромномъ удѣлѣ Фортуны
Съ цѣвницею сельской вкушаю покой;
Мнѣ сладостны лиры лезбосскія струны,
Пою — и смѣюсь надъ безумной толпой.

ТОВАРИЩАМЪ.

Друзья ликуйте, наслаждайтесь
Летучимъ счастьемъ бытія,
Любовью братской упивайтесь,
Доколь пѣсня соловья
Вамъ въ сердце радость проливаетъ,
Доколь прелестью блистаетъ
Невинной юности заря!
Да осѣняетъ кудри ваши
Изъ розъ и ландышей вѣнокъ;
Цѣдите съ громкимъ кликомъ въ чаши
Багряный винограда сокъ!
Пусть ваша жизнь блеститъ, свѣтлѣетъ
Какъ чистый ключъ въ лугу цвѣтномъ,
Пусть радость васъ, какъ мать, лелѣетъ
Своимъ живительнымъ крыломъ!
Для дѣлъ великихъ и священныхъ,
Для дѣлъ безсмертьемъ озаренныхъ,
Для славы бѣлаго Царя,
Растите, мышцы укрѣпляя,

Въ науки алчный взоръ вперяя
И нѣжной дружбою горя!
Стремитесь къ истинѣ высокой,
Къ блестящей метѣ бытія —
И счастье — спутникъ вашъ, друзья,
И слава — вашъ удѣлъ... а я,
А я, угрюмый, одинокой —
Не долго цвѣсть мнѣ на землѣ,
Я мрачель, дикъ; ланиты впади,
И руки скорби начертали
Бразды на пасмурномъ челѣ.
Душа трепещеть и нѣмѣеть,
Въ костяхъ струится огонь и хладъ;
Померкли очи: тусклый взглядъ;
И грудь заныла, цѣпенѣеть,
И въ сердцѣ тайный страсти ядъ.
Вотще мечтаю, вдохновенный,
Порой о славѣ, о священной
Небесной дружбѣ: злой недугъ,
Какъ мѣй, всю плоть мою терзаетъ,
Въ отчаяньи мятется духъ,
И жизнь примѣтно утекаетъ,
И жаръ къ прекрасному потухъ...
И горько плачу я порою, —
И кто же, кто своей рукою
Мнѣ слезы съ нѣжностью отереть?
Кто, сострадательный, сольетъ
Свою слезу съ моей слезою?...

Чего нищу, не обрвѣту ;
И рано, рано отцвѣту,
Сраженный смертною косою
Еще въ плѣнительной веснѣ ;
Умру въ дали отчизны милой, —
Злосчастный, въ чуждой сторонѣ —
Умру — и надъ моею могилкой
Кто, кто поплачетъ обо мнѣ ?

КУЧУМЪ.

Ночь мрачной ризой облекла
Холмы, луга и борь дремучій;
Чернѣе врапова крыла
Клубятся и бунтуютъ тучи;
Перуна гласъ гремитъ въ горахъ
И рѣетъ молнія змїями,
И съ листьями взвѣвая прахъ
Качаетъ Позвиздъ соснѣ главами.
Грозы сугубя ярый вой,
Клокочетъ Обь; валы съдые,
Катяся шумной чередой,
Біютъ о скалы вѣковья.
Но кто на брегъ семь крутомъ,
Въ нѣмья погруженной думы,
На шуйцу преклонясь челомъ,
Какъ призракъ блѣдный и угрюмый
На камнѣ мшистомъ возсѣдить?
Шиши въ водахъ перуны блещутъ,
Надъ нимъ маститый кедръ скрипитъ,

У ногъ валы, холмясь, хлебещуть.
Въ лѣсу, отъ старца не вдали,
Я зрю Агаряне толпою
На мхъ росистыя земли
Почнютъ сладко подъ грозою.
Уже потухъ въ костръ огонь,
Чуть паръ вѣется синимъ клубомъ,
И одинокій дремлетъ конь
Понутивъ голову подъ дубомъ.
Почтожь сей мужъ въ полночной мгль,
Съ лицомъ суроваго Героя,
Съ печатью скорби на чель,
Одинъ бѣжитъ одра покоя?
Или ему отраднѣй сна
Внимать какъ осень въ дебряхъ свищетъ
И зрѣть какъ пѣвною волна
Вздываясь на каменя прыщеть?
Ахъ! уврачуетъ ли покой
Сердца кручиною томимы?
Сей старецъ съ міромъ и судьбой
Въ бореніи неизнуримый,
Изъ милой родины бѣглець,
Отъ хлада вретичемъ прикрытый,
Сей Царь утратившій вѣнецъ —
Кучумъ, страдалецъ знаменитый!...
Напрасно буйный вихрь крыломъ,
Браду съдую возвѣваетъ,
Напрасно воетъ лѣсъ кругомъ,

**

Онъ реву бури не внимаетъ ;
При синемъ заревѣ небесъ
Сидитъ онъ хладный , недвижимый ,
Какъ сей гранитовый утесъ
Грядою бѣлыхъ волнгъ дробимый.
Какъ тѣкій смутный , давній сонъ
Въ умѣ былые будить годы.
Супруги, чада, ханскій тронъ,
Сибирь, несчетные народы,
И все мелькнувшее какъ дымъ,
Дни мира, браней рядъ кровавой —
Все воскресаетъ передъ нимъ
Съ его безславіемъ и славой.

- « Свершилось ! — Стонетъ подь ярмомъ
« Сибирь закованная въ цѣпи ! . . .
« Оплоты рушены врагомъ.
« Снѣга, дубровы, горы, степи,
« Ни что не оградило насъ !
« Низпалъ ударъ не отразимый;
« Правдивъ шамановъ вѣщій гласъ ;
« Судьбы небесъ неумолимы.
« Свирѣпой местию дыша,
« Пылая къ родинѣ любовью,
« Бесплодно берегъ Иртыша
« Я утучилъ невѣрныхъ кровью.
« Вотще сердитая рѣка
« Позоръ Кучума отмстила

« И съ дикимъ ревомъ Ермака
« Въ кипящей хляби поглотила !
« Я мнилъ, что плачемъ и мольбой
« Суровость Алмы преклонилась,
« Что къ вражьей гибели со мной
« И буря въ гнѣвъ ополчилась ;
« Самъ Богъ рѣки, мечталось мнѣ,
« Десницею вздымая воды,
« Слыщу на радость, въ глубинѣ
« Погребъ чудовище природы. —
« Взыграло сердце, бодро вспать
« Притекъ я въ Искеръ опустѣлый,
« Въпець Чипчиса воспріять
« И сѣсть на тронъ осиротѣлый.
« Казалось, туча пронеслась ;
« Вновь покорились мнѣ народы,
« Вновь падъ отчизной занялась
« Заря багряная свободы. . . .
« Увы ! паря надъ Иртышемъ,
« Съ горящимъ взоромъ изступленья,
« Призраки витязей съ вождемъ
« Вошли Русскимъ : братья, мщенья ! . . .
« И Русь призывный кличъ вяла,
« И вновь къ борьбѣ кровопролитной
« На берегъ Оби притекла —
« Свобода съ властью пенасытной.
« Съ зари до мраковъ бой кипѣлъ,
« Упился доль кровавымъ токомъ,

- « Все сгибло, . . . грозный часъ приспѣлъ ,
« Отринуть я ; забвень пророкомъ ,
« Булатъ Россійскій насыщенъ ;
« Всъ, всъ мои избиты слуги ;
« Влекутся въ вѣчный, вѣчный плѣвъ ,
« Въ чужбину дальнюю , супруги ;
« Лишь я среди мечей и стрѣль ,
« Напастями непобѣдимый ,
« Я, старецъ ветхій, уцѣльмъ
« Для новыхъ мукъ судьбой щадимый ! . . .
« Сія ли мзда, о Магометъ !
« Моимъ молитвамъ сокрушеннымъ ?
« Сего ль я ждалъ, воюя свѣтъ ,
« Подъ знаменемъ твоимъ священнымъ ,
« Съ мечемъ въ рукахъ, неся коранъ ,
« Кумиры дикихъ повергая
« И мраки полунощныхъ странъ
« Лучами вѣры проясняя .
« Гдѣжь всъ плоды моихъ побѣдъ ?
« Гдѣ мощь Кучумовой державы ?
« Гдѣ обтекавшіе весь свѣтъ
« Отзвуки громозвучной славы ?
« Увы ! отъ всѣхъ безцѣнныхъ благъ
« Осталось бѣдное названье —
« И мрачное на ихъ гробахъ
« Сидитъ одно воспоминаше !
« Сіяя златомъ и серебромъ ,
« Сибири щедрыми дарами,

« Приютомъ счастья былъ мой домъ
« Отъ бурь хранимый небесами.
« Во дни покоя — вѣги сынъ,
« Строптивыхъ тяжкій бычь во брани,
« Племень несмѣтныхъ властелинъ
« Я возвеличилъ тронъ Шейбани.
« И трепеталъ надменный врагъ
« При имени моемъ. . . а нынѣ
« Ахъ! все исчезло, все какъ прахъ
« Крутимый вихремъ по пустынь! . . .
« И что же? въ память лѣтъ золотыхъ
« Лишь тридцать вѣрныхъ слугъ, три сына
« Въ усладу тяжкихъ бѣдъ моихъ
« Дала мнѣ алчная судьбина. . .
« Печальный даръ! . . . Отрадный сонъ
« Надъ ними сладостно летаетъ,
« И громъ и мой тяжелый стонъ
« Покоя ихъ не прерываетъ.
« Былъ у меня, алмазъ семьи,
« Другъ сердца отчаго избранный,
« Сыгъ Асманахъ, въ золотые дни,
« Всецѣдымъ Аллой низпосланный;
« Румянѣ зари сіялъ
« Онъ лика свѣжею красою;
« Въ немъ я отраду почерпалъ
« Подъ гнѣтомъ золь крѣпясь душою,
« И дряхлый я при немъ юнѣль
« Подъ бѣлоснѣжными власами;

« И рой надеждъ въ груди кипѣлъ,
« И волновался духъ мечтами :
« Воскресну я въ его сынахъ,
« Порой меня ласкала дума,
« И въ дальныхъ прогремить вѣкахъ
« Молва о доблестяхъ Кучума!!!
« Но чтожь? и Асманяхъ, и онъ
« Похищенъ, отягченъ цѣпями!!
« Ктожь мой разсѣетъ скорбный стоиъ? —
« Кто растворитъ печаль слезами?
« Ко чьей, ко чьей груди прильнуть
« Слынецъ бездомный, одинокій?...
« Кто сердобольный, перейметъ
« Глубокимъ вздохомъ вздохъ глубокій?
« О горе, горе мнѣ!... и врагъ
« Укрыть въ пещдѣ отъ бури хладной. —
« А я могуцій древле ханъ,
« Днесъ безпріютный, безотрадной,
« Одинъ, снѣдаемый тоской
« Снжу несчастью обреченный,
« Одинъ, одинъ во тѣмѣ почной,
« Имѣвшій все, всего лишенный!!
« Въ моихъ очахъ померкнулъ свѣтъ,
« Кручина слезы изсушила,
« Рукой желѣзною хребетъ
« Къ сырой землѣ бѣда склонила ;
« Глубоко въ блѣдное чело
« Браздами вгрызлися морщины !

« И бурь дыханье разнесло
« Мои послѣднія сѣдины!!
« Мигъ славятъ Бѣлаго Царя,
« Гласятъ : какъ солнце всѣмъ сіяеть
« Такъ онъ, добро одно творя,
« Враговъ прощеніемъ караетъ.
« На страшный берегъ сей ко мигъ
« Предсталъ посоль отъ воеводы,
« Мнѣ предрѣкалъ въ чужой странѣ
« И честь и радости свободы! . . .
« Свободы радости! . . . Увы!
« Не дважды насъ она лелѣветъ.
« Не ей процвѣсть въ стѣнахъ Москвы ;
« Скорѣй, скорѣе почеркнетъ
« На семь чель сребристый власъ,
« Иль свѣтомъ око воспалится
« Иль съ новой лютостью на насъ
« Ермакъ возгрянувъ ополчится! —
« За пльнь супругъ, за гибель чадъ
« Несытой местию пылая,
« Пойду ли въ ненавистный градъ —
« И тамъ у трона повергая,
« Владыки грознаго къ стопамъ
« Мою главу, на мѣсто дани,
« Прижмуль къ трепещущимъ устамъ
« Кровавыя убійцы длани?
« Нѣтъ, нѣтъ! Пусть чаша горькихъ золь —
« Судьбою на меня излита ;

« Пусть ниспровергнуть мой престолъ,
« Пусть все отринули меня
« Досель вѣрные народы ;
« Но ты не узришь, о злодѣй,
« Рушитель вольности священной,
« Главы безвласья моей
« Клеймомъ страданій очерненной.

ПѢСНЬ НЕБА.

Въ свѣтломъ хорѣ солнць лучезарныхъ висится небо,
Круглое, неизмѣримое, образъ міровъ первородный,
Всѣхъ совокупность красоть, которыя быстрымъ по-
токомъ

По безпредѣльности вкругъ разливаются съ отблескомъ
неба.

Стройно вратится оно: съ рокотаньемъ на крыліяхъ вѣ-
тровъ;

Къ берегу солнць отъ него сладкозвучное катится пѣнье,
Мѣрно плывущихъ міровъ. Умиленные лики безплот-
ныхъ

Гласъ ихъ бряцающихъ арфъ оживляютъ сей хоръ со-
вокупный.

Вѣчный Творецъ какъ торжественный гимнъ славосло-
вія внемлетъ,

Какъ плѣняются очи Его осклабляясь вселенной,
Такъ и уши Его пѣснопѣніе сферъ услаждаетъ.

Ты, которая внушася высокія пѣсни,
Внемлешь безсмертнымъ, Бога зришь, Серафимовъ по
друга,

Гимнъ воспѣваемый небомъ повѣждъ мнѣ, жилища Сіона
Свѣтлое царство явленій Господнихъ, святись и кра-
суйся!

Здѣсь мы Господа зримъ, какъ Онъ есть, какъ Онъ былъ,
какъ Онъ будетъ,

Виждь Блаженнаго безъ облаченья, безъ сумрака даль-
нихъ

Мглою покровенныхъ міровъ. Здѣсь мы Тебя созерцаемъ
Въ сонмѣ избранныхъ, Тобою блаженству небесъ при-
общенныхъ.

Сколь безконечно Ты совершенъ! Тебя нарицаеть

Небо, Тебѣ неизреченному имя Егова ;

Наша пѣснь сладкогласная, въ смѣломъ пареннѣ восторга,

Ищетъ Твой образъ : но тщетно. Вперясь въ глубину
Твоей славы,

Мысли едва къ Твоему Божеству воскрылиться дерза-
ютъ.

Въ дивномъ величїи Ты лишь единъ совершенъ, При-
сносущный !

Мысль, которою Ты бытіе свое прозрѣваешь,

Коль возвышеннѣй, коль святѣе таинственной думы,

Дивное, коль святѣй, возвышеннѣй тайнаго взора

Обряцаемой свыше Тобой съ существомъ сотвореннымъ!

Но Ты благоволилъ, и кромѣ Тебя существа зрѣть

И на нихъ низпослать съ богатію духъ животворный.

Небо Ты создалъ въ началъ, тамъ насъ обитателей неба.

Былъ еще часъ вашъ далекъ, земля, дщерь юная свѣта,

Солнце и мѣсяцъ, текущіе купно съ блаженной землею.

Первенецъ міра, что было съ тобой при рожденьи,
въ день тотъ
Какъ, пролетѣвшій вѣчности, Богъ къ тебѣ низпустился
И святою обителью славы Господней украсилъ ?
Своды твои необъятные, къ новой воззванные жизни,
Тихо округлялись, приѣмля свой образъ; еще разносился
Творческій гласъ при первомъ звукѣ кристальнаго моря;
Ихъ брега , какъ міры взгроможденные слышали гласъ
сей,
Но ни единый безсмертный! Тогда стоялъ Ты, Зижди-
тель,
На веледышномъ, новомъ престолѣ себя созерцая,
Въ дивномъ безмолвіи. О восклицайте предъ мысля-
щимъ Богомъ.
Ахъ ! въ сей радостный мигъ онъ васъ сотворилъ, Сера-
фимы,
Разума полныхъ и силы могущей Создателя мысли
Имъ отъ себя излишныя въ васъ, постигать въ умиленьи,
Аллилуя, хвалебное Аллилуя; Всевышній,
Присно Тебѣ воспоется отъ насъ. Бездонной пустынь
Рекъ Ты : не буди ! и тварямъ : раститесь ! Аллилуя !

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	V.
Mignon изъ Гёте (1825)	3
Лакнигъ-и-Герль изъ Байрона	5
Фіалка, изъ Вальтера Скотта (1824)	10
Плячь Ярославны	11
Къ Постуму, изъ Горація Lib. II. Ode XI. ...	14
Элегія М. С. К—в.	17
Весенній Вечерь, изъ Матиссона (1825)	18
Пляска, изъ Шиллера (1826)	20
Дума злодѣя (1827)	22
Дѣва изъ чужбины, изъ Шиллера (1825)	25
На новыи годъ, (1850)	25
Спокойствіе, съ Нилеукаго (1826)	28
Древняя Греческая пѣсня, съ Греческаго	55
Прекрасная ночь, изъ Гёте (1825)	55
Младенчество, изъ Матиссона (1824)	56
Къ другу (1827)	47
Къ Мельпоменѣ, изъ Горація Lib. IV. Carm. III. (1825)	50
Стацы М. С. К—в. (1826)	52

Могущество пѣснопѣнія, изъ Шиллера (1830)..	54
Могила изъ Салиса (1823).....	57
Дѣтство, съ Нѣмецкаго.....	59
Осенній вечеръ, съ Нѣмецкаго.....	62
Въ Альбомъ сестръ (1827)	64
Богу	66
Пѣвецъ, изъ Гёте (1825).....	67
Къ Гросфу, изъ Горація Lib. II. Carm. XIII. (1824)	69
Къ товарищамъ (1826)	71
Кучумъ, Дума (1826)	74
Пѣснь Неба, изъ Мессіады Клопштока (1826)	83

